

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.17223/22220836/36/38

А. Каннисто

СООРУЖЕНИЯ И ВЕЩИ ПРИ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯХ ВОГУЛОВ / МАНСИ¹

Перевод с нем. Н.В. Лукиной

Статья представляет собой часть книги «Материалы к мифологии вогулов», содержащей полевые материалы А. Каннисто 1901–1906 гг., которые подготовили к печати и издали на немецком языке Е.А. Виртанен и М. Лиммола. Излагаются сведения по разным группам народа: Пелым, Вагильск, Лозьва, Тавда, Конда, В. Сосьва. Дано описание следующих объектов: сооружения на священных местах, деревья-жертвенники, амбар, кузова из бересты, сундук, мешок. Виды приношений: одежда, сабли и стрелы, нож, пушнина, куски ткани, ленты и платки, низки бисера, кольца, монеты, колокольчик, водка и др. Отдельная категория – изображения животных и фигурки духов. Описания вещественного ряда сопровождаются соответствующими выдержками из мифов и преданий.

Ключевые слова: манси, духи, жертвоприношения, сооружения, вещи, предания.

Сооружения на жертвенных местах [1. S. 269–276]

При жертвоприношениях под открытым небом вогулы использовали различные сооружения, на которых вывешивали жертвы, предназначенные определенным богам.

На Сосьве позади жертвенного стола ставят три березки: *tirjib* ‘шест для жертв’. На них, в свою очередь, вешают *βārimūlam* ‘жертвенную одежду’, так что она напоминает человеческую фигуру. Из этих трех деревьев среднее предназначено Верхнему-Богу, при его установке кричат семь раз. Второе *tirjib* посвящается *mirsusnehum* ‘Мир-Осматривающему-Мужчине’, и третье – *tapalāš* ‘Отцу-*tapal*’. На В. Лозьве *tirkantsjib* делают так: к двум вертикальным шестам прикрепляют деревянные поперечины под названием *tir*, или *tirjib* – их три при индивидуальной жертве и семь при общественном жертвоприношении; к ним привязывают *βārimūlam* ‘жертвенные предметы’. Кроме того, другой конец *tirkantsjib* вырезают в виде головы животного. На Н. Сосьве этого не делают, а поперечина – просто шест из хвойного дерева, привязанный обоими концами к вертикальному столбу (*sir*). На В. Лозьве эти шесты делают из разных пород дерева – кедра, березы и ели. К березовым шестам привязывают жертвенную пушнину для ‘Мир-Осматривающего-Мужчины’, к еловым – для *polluntōrum* ‘Пелымского-Бога’ и Верхнего-Бога, к кедровым – для *χul’ōtar* ‘Владыки-Нижнего-Мира’ (?). На кедровые шесты

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00329 «Интерпретация языковой и культурной истории народа манси: этнографические, фольклорные и лингвистические материалы архива В.Н. Чернецова» (Примеч. пер.).

кладут также жертвенную пушнину и одежду для *βitjalpη māχum* ‘людей водной святыни’. На В. Лозьве при жертвоприношении за жилищем (на *kan*) сбоку жертвенной кедровой палки, стоящей позади жертвенного стола, делают три зарубки, изображающие «лицо бога или духа-защитника» (*pu-piηholsam*); более подробных сведений об этом обычае нет. На общественных жертвоприношениях на Лозьве ставят, во всяком случае при жертве Верхнему-Богу, семь шестов. Есть также сообщение, что при жертве используется жертвенный шест, сделанный для *mirsusnaχum* из березы, для *tapalāš* – из ели, для *als ēkβα* ‘Женщины-als’ – из ивы (*tip*). Перед каждым *tirjib* ставят *hòβl’sol* ‘копья для мяса’ – при индивидуальных три, а при общественных жертвоприношениях семь штук, которые, вероятно, делают из березы и заостряют на верхнем конце. На каждый шест втыкают по три куска сваренной головы жертвенного животного. Эти шесты называют также *tōrumsoł’jib* ‘богово копьё’. На Сосьве *hòβl’sol* означает ‘мясное копьё’ – узкое копьё, на которое втыкают оставшееся от жертвоприношения мясо и позднее несут домой. На Пельмке *tirjib* не делают, а жертвенную одежду вешают на стропило; так же поступают жители с Сосьвы, когда приносят там жертву.

В предании с В. Лозьвы, в свою очередь, описывается, как изготавливается жертвенное дерево и как ему приносят жертву:

Старик Пётр с двумя сыновьями пошел на тетеревиный ток. Тетерева не появлялись. Они развели огонь около толстого поваленного дерева. Отдыхают, тут сын закричал: «Идите, идите! У меня в ухо что-то попало!» Он пошел и встал со своим сыном. Когда они заглянули, это исчезло в ухе, как они ни копались в нем.

Он говорит сыну: «Кипяти воду!» Сын повесил котел с водой над огнем. Старик содрал кусок бересты и говорит сыну: «Сделай маленькие коробочки из бересты!» Сам он срубил маленькую березку и поставил жертвенное дерево (*tir*). Вода закипела, он налил ее в коробочки, под жертвенное дерево седьмым поставил котел. Он молится с сыном, мальчик заснул. Он говорит сыну: «Иди, взгляни на своего старшего брата, как он спит!» Сын пошел и говорит отцу: «Иди сюда, иди сюда!» Отец побежал, червь вышел и ползет вниз. Он схватил его и выбросил. Его сын встал, у него из уха течет кровь [2. S. 106–107].

Судя по одному из преданий кондинских вогулов, у них были представления о том, что деревья являются живыми существами. Когда один мужчина (старший сын Обского-Богатыря) пошел в лес и ударил по сосне, из нее потекла кровь. Тогда он говорит: «Что случилось?» Он оставил эту сосну и пошел к другой, ударил по ней, сосна издала крик. «Что за недоброе дело происходит здесь или что случилось?» Несчастье же действительно произошло. Когда он посмотрел на небо, солнце было видно, но затем оно спряталось. Когда он снова взглянул наверх, заметил, что на него хочет ринуться филин [3. S. 638–639]. Из предыдущего предания, однако, не следует, является ли священным местом «этот лесочек твердой древесины отца и дедушки», где он рубил топором сосны.

В предании с В. Лозьвы речь может идти о жертве, предназначенной Верхнему-Богу, где говорится о жертвенном дереве из березы (*tir*) и о семи жертвенных коробочках из бересты.

К жертвенным церемониям относится, как упоминалось раньше, также и жертвенный стол; во всяком случае, на Сосьве существуют представления о том, что жертвенный стол (*jalpŋ tūr* ‘священный *tūr*’) был изготовлен самими богами, так как они не сидят за человеческими столами. В одной молитве говорится:

Если бы над этим,
Тремя твоими птенчиками в бедственной одежде
Поставленным столом,
Над этим столом высотой в гусиную ногу,
Сделал бы ты окантованный золотом священный стол!
[2. S. 266, 438].

Более подробные сведения о жертвенном месте (*kan*) позади индивидуального вогульского жилища имеются в нашем собрании с В. Лозьвы. А именно, на священном месте родовой деревни Нёриных (два маленьких дома) был помост, на который опирались пять жертвенных деревьев. Это были, считая справа налево: рябина, на которой находились жертвы для *alsēkβa* ‘Женщины-*als*’; береза – жертвенное дерево *mirsusnaχum* ‘Мир-Осматривающего-Мужчины’; вторая береза – жертвенное дерево *numi tōrum* ‘Верхнего-Бога’; ель – жертвенное дерево *tapalās*; лиственница – жертвенное дерево *βitjalpŋ òika* ‘Старика-Водной-Святыни’. К рябине с жертвой для *alsēkβa* был прикреплен узел из нескольких маленьких платков. Внутри было небрежно сделанное четырехное изображение лося (*sōrp* ‘лось’) длиной не более полутора дюймов, завернутое в маленький кусочек ткани. В том же узле находились несколько двуногих, похожих друг на друга изображений животных, длиной около дюйма, связанных узкой короткой лентой; одно из них – *sōrp* ‘лось’, самец; упомянутое выше четырехное изображение было лосихой; другое двуное изображение было оленем (*sālixuri* ‘изображение оленя’). С рябины свисал еще и второй узел. В нем было свинцовое изображение лося большего размера, длиной около 2,5 дюйма, в боку которого была видна 20-копеечная монета. Отсюда следует, что фигурка лося была отлита, хотя окончательно доработана ножом. Известен был и изготовитель фигурки (вогул). Вокруг изображения было множество новых платков. На жертвенных деревьях на *kan*, кроме рябины (?) ножом были вырезаны следующие знаки, вероятно, так называемые «лица духов-защитников»: на березе была фигура 1 (□), на ели фигура 2 (■), на лиственнице фигура 3 (∇_∇). На упомянутых деревьях были привязаны и просто платки. Кроме того, на жертвенном месте «немного ближе» была вторая поперечина, на правом конце которой висели четыре каркаса, на которых медведя несут домой; на каждом из них доставили по медведю. Немного дальше была еще третья поперечина, на которой висел привязанный бечевкой череп лошади.

В д. Нёриной была берестяная емкость (*paip*), в которой находилась большая пряжка без иглы, пожертвованная *ñurmpāβl òtərpjū* ‘Сыну-Богатыря-*ñurmpāβl*’, и круглое листовидное украшение из металла. К березе платком была привязана железная сабля, пожертвованная *βōrχum òika* ‘Лесному-Старику («лесному»)', которую житель другой деревни привез из упомянутой деревни *ñurmpāβl* с Сосьвы.

У северных вогулов на индивидуальном жертвенном месте (*kan*) позади жертвенного стола на двух березовых ветках с развилками находился еловый

tirkantsjib, подобный носу животного (*ūiñol* ‘нос животного’). На нем был кусок ткани длиной пять локтей, пожертвованный *jolxum* ‘Нижнему-Мужчине’, или *χul’ōtar* ‘Владыке-Нижнего-Мира’; на одном его конце ниткой была привязана 20-копеечная монета. Позади стола была поставлена береза – жертвенное дерево Верхнего-Бога, на котором находилось четыре платка (белый, светло-красный, желтый и темно-коричневый); в уголке двух платков были серебряные деньги. На березе была вырезана фигура ☐. Там же находилась и другая береза с такой же вырезанной фигурой, но без жертвенных предметов. Третьим жертвенным деревом была ель, на которой был знак «Х», на ней был бело-красный платок с серебряной монетой в уголке. Вблизи жертвенного стола было установлено *tōrumsol’jīb* ‘богово копьё’ из березы, длиной примерно 3,5 локтя, вверху заострено. В середине жертвенного стола лежали остатки осеннего жертвоприношения оленя (было пожертвовано два оленя), задняя часть спины.

Следует также упомянуть, что у северных вогулов – у того же вогула, которому принадлежит вышеназванное жертвенное место – в индивидуальном (?) жертвенном амбаре была полка, наподобие нар, шириной примерно 2,5 локтя. Там находился *βārimūlam* (*ōlm*) *χūriγ* ‘ранец с жертвенными подарками’, сделанный из кусочков лосиной кожи, но он был пуст. На полке, кроме того, была маленькая и тоже пустая емкость из бересты, в которой летом хранят жертвенные одежды Верхнего-Бога. На полу был болотный багульник (*βal’jīb*), так как летом там хранят и меховую одежду мужчин, и жертвенные одежды, которые на воздухе портятся. В задней стене была одна или несколько *pipiyūāl* ‘стрела бога-защитника’. На вышеназванной полке (?) находилась задняя часть спины оленя. Она осталась от осеннего жертвоприношения двух оленей.

В д. Анье на Сосьве изображающая духа-защитника кукла была вывешена на сучке лиственницы, стоящей позади дома, примерно на уровне головы человека. Владелец духа-защитника сказал, что этот дух всегда обеспечивает удачу в охоте и рыбалке. К тому же сучку был привязан маленький кожаный мешочек, похожий на сумочку для хранения кресала. В нем был кусочек шелковой ткани с монеткой в одном из уголков. На той же лиственнице находилась емкость из бересты, принадлежащая другому человеку. В ней было несколько жертвенных платков.

Деревья-жертвенники [1. S. 276–278]

У вогулов были и растущие в природе священные деревья, которым они приносили жертвы. В предании с Конды рассказывается, как старший сын Обского-Богатыря вырвал на береговом склоне Тавды кедр с корнями и прочим, чтобы унести. Его младший брат вырвал лиственницу. Они отправились в путь и несли их с собой. Добрались до Конды, до «мыса речной глубины», где старший брат установил кедр со словами: «Пусть все население области Конды, когда при поездках увидит этот кедр, станет молиться, пусть кланяется ему, молится ему!» Младший брат, в свою очередь, установил лиственницу в другом месте [3. S. 653–654]. Следует учесть, что сыновья Обского-Богатыря затем поселились в качестве местных духов-защитников, каждый на своей территории.

Священные жертвенные деревья являются всеобщими. С Н. Конды есть сведения, что у многих деревень неподалеку находится большое дерево, считающееся священным – береза, кедр, черемуха; на их ветки вывешивались жертвенные платки и ленты. Сбоку дерева прибавали какое-нибудь устройство, в которое клали жертвенные деньги. Такие деревья называют *jälpŋ xäl'* ‘священная береза’, *jälpŋ tāt* ‘священный кедр’, *jälpŋ lāmjiβsāx* ‘священный черемушник’, ‘священный черемуховый холм’.

Священное дерево окружает *jälpŋ mā* ‘священная земля’ соответствующей деревни, где приносят жертвы. Следует упомянуть, что в д. Леуши на Ср. Конде богатырю *mos* молились в лесу. Ему была посвящена большая лиственница, «примерно в сорока верстах» от Леушей.

На В. Лозье, в свою очередь, недалеко от *βitjalpŋ* ‘водной святыни’ есть толстая сосна *jalpŋ pānar* ‘священная сосна’, на которую вывешивают маленькие платки и деньги в качестве жертвы для *βitjalpŋ*, *βitjelpi* ‘водной святыни’ (для живущего там духа). Иногда приносят жертвы и в виде вина. Собственно *pūrlaxtna mā* ‘жертвенное место’ находится на берегу реки, где расположено *jalpŋ mā* ‘священное место’; женщины должны обходить его по земле, в то время как мужчины проезжают мимо на лодке. Зато женщины могут проходить мимо соответствующей священной сосны. Недалеко от д. Елесиной во времена путешествия Каннисто было священное место *jalpŋ mā* со священной сосной, которая выглядела как обыкновенная сосна. На боку дерева, примерно на высоте в локоть от земли, топором была наполовину отрублена щепка; между ней и стволом дерева была повешена низка бисера. Обычно на это же место клали жертвенные деньги. На верхушку ели (?) высотой примерно в полтора локтя, стоящей рядом с сосной, было надето серебряное кольцо, а на березку за сосной было прикреплено несколько платков; в уголке одного из них была завязана серебряная монета. В той же деревне за домом одного вогула была маленькая береза, к стволу которой были привязаны маленькие платки с завязанными в кончиках деньгами. Рядом с березой была сосна повыше, на которую тоже был повязан платок. У подножия березы приносили жертвы (мужчины), при этом к дереву ставили открытую бутылку водки, кланялись и молились Верхнему-Богу. После молитвы к березе привязывали принесенный маленький платок и выпивали по стакану на человека. В той же деревне вблизи жилища другого вогула был сосновый пень, на который клали бутылку с водкой на время подобных жертвенных и молебных обрядов. На Н. Лозье, на земле д. Тансиной был священный кедр, под его кору засовывали жертвенные деньги, а у подножия кланялись.

В области Вагильска, в д. Каме, недалеко от жертвенного амбара духа-защитника этой деревни была большая береза. Вблизи д. Сотниковой, чьим духом-защитником является Старик-*tontl'*, рос большой кедр. На его стволе был повешен жертвенный кузов из бересты (*paip*), в который были положены жертвы (деньги, платки и т.д.). В д. Заозерной, в свою очередь, раньше была священная лиственница.

В предании сосвинских вогулов, в котором рассказывается о деятельности сына Верхнего-Бога на земле, тоже встречается жертвенное дерево:

Идет он долго, идет короткое время, встречает старого человека. Говорит старику: «Как бы Бог оказал мне милость, чтобы я ему встретился?» Старик

говорит: «Иди в укромное место темного, густого леса, иди в лес». Старик говорит: «Золотой-Свет, отец, дал вырасти дереву на священной земле. Иди, молись ему до скончания семи зим, семи лет!» Он и молится. Пока он так молился, закончились его семь зим, семь лет. Слова его молитвы услышал Золотой-Свет, отец, затем он пришел. Он пришел, они оба отправились к Золотому-Свету [З. S. 166].

Амбар для приношений [1. S. 309–312]

У вогулов есть особый амбар (В. Лозьва, Сосьва: *ūra* ‘жертвенный амбар’, Н. Конда: *ūrā* то же) в качестве места хранения изображений духов и пожертвованных предметов. Для женщин он – табу. Во всяком случае, на В. Лозьве его называют «амбар, в который женщины не смеют забираться». На Сосьве жертвенный амбар строят на опоре из концов корней срубленного дерева. На него кладут поперечную балку, которую через отверстие в середине закрепляют на опоре. На В. Лозьве жертвенный амбар делают в лесу и на двух опорах такой высоты, чтобы стоящий на земле мужчина мог его открыть. В нем хранят изображения духов-защитников (*pupiy*), жертвенные платки и одежды (*βārīmūlam*): *jārmaksaçi* ‘шелковый халат’, *nui* ‘суконный халат’, *tōrsāpar* – очень длинный халат из покупной ткани, который мужчины и женщины носят летом; иногда сюда же относится *sup* ‘рубаша’. Там хранят также жертвенную пушнину, но только частично, так как большая ее часть, например лисьи шкуры, хранится дома. В амбаре находятся также жертвенные монеты и серебряные серьги¹. Иногда жертвенный амбар есть и дома, и в лесу.

В первом случае это маленький амбар вблизи жилища. Там хранят жертвенные одежды и изображения духов-защитников, которые в других случаях хранят в лесном жертвенном амбаре. Существует правило, что предметы, пожертвованные *tapalāš* ‘Отцу-*tapal*’ или *pollmtōrum* ‘Пелымскому-Богу’ (монеты, одежды, шкурки соболя), хранят не дома, а в жертвенном амбаре; лисьи же шкуры там не хранят.

В жертвенном амбаре на В. Лозьве, стоящем на берегу «озера Орлиного гнезда», хранились изображения *als ēkβa* ‘Старухи-*als*’ и *βixr nāp χurij dōtər* ‘Богатыря-В-Образе-Красного-Лосенка’. С Н. Лозьвы есть сведения, что в жертвенном амбаре в д. Тансине на жертвенных одеждах лежало изображение *pull'eōšańšx* ‘Старика-*pull'eōš*’. Раньше его хранили в Боркиной, откуда после вымирания людей принесли в жертвенном вместилище из бересты в Тансину (у переносчика там были родственники) и построили ему там жертвенный амбар. На Н. Лозьве вместо обычного жертвенного амбара используют вид амбарных нар (*šuml'iχpor* ‘основание амбара’), под угол которых прячут жертву. Так, в Тансине некий Ермолай построил такой амбар, чтобы молиться духу-защитнику по имени *oštūβor ańšx* ‘Лесной-Старик-Устья-*oš*’. Однако у этого духа нет специального вместилища (*paip*), деньги жертвуют под угол амбара и в бок любого бревна; развешивают также маленькие платки на ветвях деревьев, откуда их затем достает сам дух-защитник. Следует

¹ Согласно корреспонденту с В. Лозьвы, брат Маремьяны Ивановны Укладовой был последним хранителем жертвенного амбара. После его смерти М. взяла находящийся там платок и монеты и использовала их на собственные нужды. Находящуюся же дома пушнину она отдала на хранение сыну сестры.

отметить, что так не приносят жертвы духам *pull'eōšānš̄x* или *β̄arkanoāi*; когда жертвуют дома, деньги кладут в щель в стене, а позднее переносят в жертвенное вместилище. На Н. Конде есть *ūrə* 'шайтанский амбар', построенный на четырех столбах и размером меньше обычного амбара, в нем хранятся жертвенные одежды и монеты. Там известно также название *ūrapsonjiχ* '«караулка» (шайтанский амбар = амбар духа-защитника)'. На Вагильске в этой связи используется название *pōpišuml'χ* 'амбар духа-защитника'. В Сотниковой в свое время был общий амбар нескольких деревень, иначе говоря, всей округи, где почитали Пелымского-Бога; он назывался также *polləmtōrm β̄arskum šuml'χ* 'амбар Пелымского-Бога, ... (?) мужчины'. На упомянутой территории раньше в каждом доме был «чистый амбар», в который нельзя было заходить женщинам, но маленьким девочкам – можно. Везде были амбары со стрелами. Позднее из них остались только один в Сотниковой и один в Каме, оба – личные. В этих амбарах хранили мясо лося и домашнего скота, шкуры молодых оленей, но не шкуры соболей, белок или горностаев.

Позднее жертвенные амбары были уже не везде, а жертвы для местного духа-защитника хранили в упомянутых вместилищах из бересты (*paip*). Так, в д. Тансине на Н. Лозье после исчезновения жертвенного амбара почитание *pull'eōšānš̄x* выполняли, положив жертвы (монеты, маленькие платки, куски холста и т.д.) во вместилище из бересты, находящееся в лесу. Место этого вместилища часто меняли, однажды оно находилось в середине болота, откуда его приносили к жертвоприношению, «вверх на край леса». В д. Леуши на Ср. Конде не знали, был ли амбар у мужского духа-защитника. Его почитали в лесу («40 верст от Леушей»), где ему была посвящена большая лиственница. Вблизи лесного селения одного вогула (Пурчина) есть два-три *koars* 'амбара', или построенного на столбах амбара для дичи и запасов¹, где хранились жертвы, приносимые местному духу-защитнику (напр., платки и «концы платков» *tōrpānk* 'кусочек начала холста'). В том же амбаре хранится провиант и мясо. Следует упомянуть, что в Нахречах на Н. Конде на общественном месте поклонения «Маленькому-Богатырю» нет жертвенного амбара – как в соседних деревнях; его нет и на месте поклонения под названием «Водная святыня» на Н. Лозье.

На Сосьве, в д. Малеевой в жертвенном амбаре одинокого (?) вогула были, в основном, жертвенные платки. Кроме того, там было «седло» (для Мир-Осматривающего-Мужчины и кукла длиной примерно в четверть локтя, сделанная из семи надетых друг на друга черных шуб (*saxi*); на голове было что-то в виде полушария, напоминающее меховую шапку.

Сундук для приношений [I. S. 312–317]

Пожертвованные предметы (пушнину, платки, монеты), называемые на Сосьве *β̄arimūlam* 'жертвенный предмет, жертвенная одежда', на упомянутой территории хранят – о жертвенном амбаре речь уже шла – в жертвенном

¹ На Средней и Нижней Конде строят *koars* 'карес' на рыболовном месте – для хранения сушёной, копчёной рыбы и запасов. Вначале сбивают несколько слоёв балока, так что образуются углы, как при строительстве дома. На них кладут балки пола, на полу таким же образом строят из досок стены высотой полтора аршина. В завершение постройка накрывается досками, как ящик. На той же территории имеется *tol*, амбар с запасами на одной, иногда на двух опорах, который покрывают крышей, как «дом».

ящике (*βārimūlam tōtap, ūlam tōtap*) на полке (*pāṅklala*) у задней стены жилища. Полка представляла собой доски, положенные на две балки (*pāṅklalapēr*), идущие через все жилище. На В. Лозье в задней части жилища была полка (*pāṅklala*) из двух досок длиной примерно в 2,5 локтя, которые тоже были уложены на две балки, идущие от стены к стене. Жертвенный ящик *ūlam tōtap*, в котором держали жертвенную пушнину, платки и монеты богов, хранят на полке в правом заднем углу жилища. Вместо жертвенного ящика на В. Лозье использовали также мешки из лосиной кожи.

В том же жертвенном ящике сосвинские вогулы хранили вещевые жертвы (платки, монеты), поднесенные различным богам, а именно, *mirsusneḡum* 'Мир-Осматривающему-Мужчине', *χul'ōtār* 'Владыке-Нижнего-Мира' и *kalatšēkβa* 'Старухе-*kaltaš*'. Если были средства, то для названных жертвенных даров приобретали особый сундук, так как на праздник при рождении ребенка их приносили в *māṅkol* 'в маленький дом'. Во всяком случае их очищали дымом бобровой струи, прежде чем принести в *sistamkol* 'чистый дом'. На Сосье было принято, что на задней полке (*pāṅklala*), кроме жертвенной одежды и пушнины, хранили также изображения (?) духов-защитников (*pupiy*), например, сыновей *mirsusneḡum* и *kaltašēkβa* и, в общем, таких духов-защитников, которые при жизни воевали; напротив, нельзя было хранить в жилом помещении, например, сыновей Старика-*tapal*. По крайней мере, на В. Лозье было принято связывать жертвенные шкуры за концы и заворачивать их в платки; поверх помещали длинный халат и на голову шапку; оставшиеся платки клали рядом с куклой, изображающей соответствующего духа-защитника.

Теперь следует привести примеры содержания жертвенного ящика у отдельных вогулов.

У северных вогулов в одном из жилищ «на жертвенных нарах» (*pūrlaxtne norma*) был «ящик для хранения пожертвованных вещей» (*βārimūlam ošna tōtap*). В нем находились, прежде всего, жертвенные предметы Старика-*tapal*, две шкуры летнего соболя и четыре платка; в уголке одного из платков было завязано свернутое изображение оленя (*sāliχuri* 'изображение оленя'), вырезанное из бересты. Такое изображение вырезают, давая обещание о жертве, и выбрасывают, когда жертва принесена – как мы уже знаем. Уголок того же платка был привязан к шкурке соболя, в нем была серебряная монета. Среди платков был огненно-красный шелковый платок с прикрепленной к углу серебряной монетой и другой платок такого же цвета с десятикопеечной монетой на нижнем крае; в двух боковых углах третьего платка с красной полосой по краям было по серебряному кольцу.

К тем же жертвам относится шерстяной шейный платок мужчины, в одном его углу ниткой был завязан узелок с 20-копеечной монетой. Там находилась также большая пестрая шаль – жертва для *kaltašēkβa*; к двум ее уголкам были привязаны маленькие колокольчики, в одном углу – серебряная монета, в другом – два позолоченных кольца. Кроме того, в ящике был нож с узким лезвием, пожертвованный *šoxriṅōika* 'Старику-Ножу'. На его верхнем конце, на спинке были вырезаны три горизонтальные черточки: две рядом и одна под ними, вокруг рукоятки и лезвия была обмотана красная лента длиной в 2,5 локтя. Упомянутый нож ставили вертикально на жертвенный стол и перед ним бутылку водки. Когда Старика-Ножа просили привести домой потерявшегося оленя, одновременно жертвовали голову и мясо лося.

На Сосьве у одного вогула в жертвенном ящике на задней полке жилища было большое количество цветных, белых и черных жертвенных платков. Некоторые из них были пожертвованы *jalpūs ōjka* 'Старику-Священного-Города'. В один платок (черный?) было завернуто свинцовое изображение медведя. В белый же платок было завернуто довольно маленькое изображение оленя, сделанное из папье-маше. На дне сундука находилось изготовленное из того же материала изображение птицы. Там было также «седло» (для *mirsusneχum* 'Мир-Осматривающего-Мужчины' – это был жертвенный платок. Он шит из ткани, как подушка. Он был прямоугольным и состоял из четырех частей, в каждом четырехугольнике была изображена верховая лошадь с всадником. Если представить платок перекинутым через балку, как это бывает при жертвоприношении, то на каждой стороне свисающей с балки половины оказывается два изображения всадника, одно за другим, со свисающими ногами. Переднее изображение было красным на черном фоне, заднее – черным на красном фоне. С каждого угла свисал маленький круглый бубенчик (точно такой, как на бубне ворожея). Кусок ткани, довольно дешевый и небрежно отрезанный, был обрамлен на внутренней стороне каймой из лисьей шкуры шириной около дюйма.

На В. Лозье в жилище одного вогула (Нёрина) на полке справа был сундук без замка, в котором хранились изображения *mirsusneχum* 'Мир-Осматривающего-Мужчины' и *kalatšēkβα* 'Старухи-*kaltas*'. Первое представляло собой шкуру красной лисы и две связанные концами шкуры летнего соболя. На нем было пять различных рубах, «вокруг шеи» был повязан платок и «вокруг талии» – красный пояс. У этого большого изображения духа-защитника не было лица и шапки; *kalatšēkβα* была представлена только маленьким платьем, на рукаве которого был привязан маленький платок, а на его концах прикреплены два кольца. Больше ничего в ящике не было.

Когда вогулы ежегодно переселяются из летней деревни в зимнюю и обратно, они берут с собой и жертвенные одежды. Так, на Сосьве еще по санной дороге их перевозят в летнюю деревню, откуда осенью везут назад на лодке или нартах. В весеннее и осеннее поселение эти жертвенные одежды не доставляют. Когда летом отправляются на рыбную ловлю, например на Обь, берут с собой небольшую часть жертвенных одежд, их везут в маленьком ящике. На охоту же брали только кусок ткани. Его укладывали в довольно маленький кожаный мешок, который прикрепляли на спине мужчины в области лопаток с помощью ленты от пороховницы. На В. Лозье было принято на охоте носить жертвенный платок привязанным к пороховнице, в других поездках его носили на шее. Иногда на охоте хранили только жертвенную монету – среди пуль. Как платок, так и деньги для этой цели брали из числа жертвенных предметов.

Использование пожертвованных предметов [1. S. 317–318]

Предметы, подносимые в качестве жертвы, человек впоследствии не должен был использовать. На Сосьве поврежденный жертвенный платок, например, с проеденной мышью дырой, клали в отдельный ящик или вешали позади жилища либо на крыше, пока он не сгнивал или падал, сами его не использовали. Оттуда и с В. Лозьвы, а также с Пелымки есть и другие сведения. А именно, на медвежьем празднике мужчины могли взять одежды из

священного амбара, чтобы надеть их при исполнении «танца бога» (*pripitān*) в последний день праздника. Тогда разрешалось поверх собственной чистой рубахи надеть все пожертвованные духу-защитнику одежды (рубаху, халат из шелка или сукна, шелковый пояс, шейный платок, шапку). Обувь была собственной, так как в жертвенном амбаре обуви не было. После танца одежду возвращали в амбар. На В. Лозье было принято при появлении на жертвенном платке пятна, точки или дыры либо при изменении цвета забрать его из амбара и использовать самому; его никогда больше не возвращали в амбар.

На Пельмке верхнюю одежду, если на ней появлялась дыра, забирали для собственного использования. Но после каждого использования ее следовало повесить на гвоздь, а не бросать, где попало. Жертвенные платки давали девочкам, но не замужним женщинам; мужчины носили их как шейные платки и т.п., или из них шили полога.

На В. Лозье бытует воззрение, что пожертвованную богам (*mirsusnēxum*) пушнину можно продать, если попадешь в трудное положение. Так, бедная старая женщина продала две таких лисьих шкуры; когда она возвращалась домой, нашла на дороге ценную мертвую лису. На Н. Лозье было принято брать из жертвенного ящика деньги в долг; во времена путешествия Каннисто делать это не осмеливались, но сообщили, что один предсказатель однажды «для счастья» взял займы «в свою сумку» 20 коп.

Когда на Н. Конде духу-защитнику д. Нахрачи приносили жертвы из других деревень, все они – платки, деньги, а также приведенные с Оби лошади – доставались хранителю духа-защитника. Следует отметить, что в Нахрачах не было амбара, как в соседних деревнях. В них хранителю жертвенного амбара доставались шкурки соболя, но платки должны были истлеть в жертвенном амбаре, куда попадали и жертвенные деньги. Шкуры лошадей, ежегодно жертвуемых обществом в Петров день, продавались, а деньги шли на оплату жертвенных животных.

Литература

1. *Materialien zur Mythologie der Wogulen*. Gesammelt von Artturi Kannisto; bearbeitet und herausgegeben von E.A. Virtanen und Matti Liimola (SUST. Vol. 113). Helsinki, 1958. 443 p.

2. *Wogulische Volksdichtung*. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto. Bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola. Helsinki. Band I: Texte mythischen Inhalts (SUST. Vol. 101). 1951. XLII + 483 p.

3. *Vogulische Volksdichtung*. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto. Bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola. Band II: Kriegs- und Heldensagen (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 109). Helsinki, 1955. IV + 831 p.

Nadezhda V. Lukina, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: lunv@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2019, 36, pp. 312–322.

DOI: 10.17223/22220836/36/38

KANNISTO A. FACILITIES AND THINGS IN THE SACRIFICES OF THE VOGULS / MANSI (TRANSLATED FROM THE GERMAN BY N.V. LUKINA)

Keywords: mansi; spirits; sacrifice; facilities; things.

Objective: introduction to the scientific circulation of valuable sources on the cultural heritage of Mansi. Sources: a part of the twentieth chapter of the book “Materials on the mythology of the Voguls”, containing records of A. Kannisto of 1901–1906. Field materials of the collector were prepared for printing and publishing in German by E.A. Virtanen and M. Liimola.

The method of systematization is used. A sample of the materials Kannisto information about the relevant objects and their thematic grouping. The publication is a part of the twentieth chapter of the book "Materials on the mythology of the Voguls", containing records of A. Kannisto of 1901–1906. Field materials of the collector were prepared for printing and publishing in German by E.A. Virtanen and M. Liimola. (Materialien zur Mythologie der Wogulen. Gesammelt von Artturi Kannisto; bearbeitet und herausgegeben von E.A. Virtanen und Matti Liimola (SUST. Vol. 113). Helsinki, 1958. 443 S.).

The article presents information on different groups of people: Pelym, Vagil, Lozva, Tavda, Konda, Upper Sosva. Descriptions of the material series are accompanied by appropriate extracts from myths and legends.

Structures on sacred places under the open sky are for sacrifice for high spirits and gods: *Numi-Torum* 'Supreme God', *Mirsusneχum* 'World-Gazing-Man', *tapalās* 'Father-tapal' etc. It includes a table, poles with crossbars for offerings and spears for meat. There is a platform with trees behind the house. Here people hung gifts and frames for transportation of a bear.

The sacrificial trees are growing sacred trees of different species with the device for the money on their trunks. They are designed for everyone and land around was sacred. The offerings are for *βitjalpη*, *βit'jelpi* 'water shrine', *Numi-Torum* 'Supreme God' and his son. There is a barn for storing of figures of the spirits (*pupiγ*) and the sacrificed items which is taboo for women. Sometimes it is at home and in the woods. Later they were replaced by birch bark baskets (*paip*).

A chest for offerings (*ūlam tōtap*) was stored on a shelf (*pānklala*) near the rear wall of the dwelling; figures of some patron spirits also were stored there. When people moved, they took a small sacrificial box or a bag with them. The use of sacrificed items was limited. Clothes from the sacred barn were worn by the performers at the Bear Holiday. Some gifts were given to a keeper of the guardian spirit. Damaged items were used for household needs or thrown away. The skins could be sold, the money could be borrowed. The types of material offerings of a basket with gifts (*βārimūlam tōtap*) were: clothes, swords and arrows, knife, fur, "saddle" of World-Gazing-Man, pieces of cloth, ribbons and scarves, the strings of beads, rings, coins, bells, vodka, etc. Separate categories are the figures of animals and spirits.

Summary. The Cannisto materials are fairly complete with the devices, vaults, and things that were used by the mansi in carrying out the sacrifices.

References

1. Virtanen, E.A. & Liimola, M. (eds) (1958) *Materialien zur Mythologie der Wogulen*. Collected by A. Kannisto. Helsinki: [s.n.].
2. Liimola, M. (ed) (1951) *Wogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto*. Vol. 1. Helsinki: [s.n.].
3. Liimola, M. (ed) (1955) *Wogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto*. Vol. 2. Helsinki: [s.n.].